

В. А. Лукина

**ТУРГЕНЕВ — РЕДАКТОР И ПЕРЕВОДЧИК:
Об участии писателя в редактировании переводов
собственных произведений
(На примере митавского собрания сочинений)***

Несмотря на то, что в настоящее время подходит к завершению второе издание Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, весьма масштабная и разнообразная переводческая деятельность писателя представлена в нем далеко не в полном объеме. Как известно, в оба академических издания включались лишь переводы на русский язык, но и они вошли далеко не все.¹

Следует отметить, что решение не включать в собрание сочинений переводы на иностранные языки было продиктовано, в первую очередь, колоссальным, даже ошеломляющим количеством переводных произ-

* Статья выполнена в рамках совместного проекта Университета Калгари (Канада) и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по подготовке электронного собрания переводов И. С. Тургенева.

¹ Согласно заметке «От редакции», открывавшей т. 1 серии Сочинений, в первое издание первоначально должны были войти «художественные переводы иноязычных текстов на русский язык, осуществленные Тургеневым» (см.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 5). Однако обещание это не было исполнено, так как переводы из Марко Вовчка и Ш. Перро, например, в него в итоге включены не были. Во втором издании в аналогичной заметке было заявлено о включении только переводов иноязычных *поэтических* произведений на русский язык (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 5), хотя, как и в первом издании, помимо собственно поэтических были напечатаны также переводы из Г. Флобера. Таким образом, состав представленной в обоих изданиях этой части наследия писателя оставался фактически без изменений.

ведений, которые, будучи собраны воедино, составили бы несколько томов. Немалые затруднения вызывали и вопросы, связанные с атрибуцией ряда переводов, определением степени участия в них Тургенева и, не в последнюю очередь, техническая сторона подобного издания. Одним из решающих факторов принятого решения стала вместе с тем массовость первого академического издания, на которое к началу работы над ним уже подписалось около двухсот тысяч человек.² Было сочтено нецелесообразным включать для столь широкой аудитории переводы, осуществленные Тургеневым с русского языка на европейские, например Гоголя, Пушкина, Лермонтова и др., хотя известно, что главный редактор Полного собрания сочинений и писем Тургенева академик М. П. Алексеев неоднократно советовал издать тургеневские переводы отдельно, для более узкого круга специалистов.

Об остроте дискуссии, в результате которой было принято компромиссное решение о частичном включении в основной корпус переводов на русский язык, красноречиво свидетельствует, например, сохранившийся протокол совместного заседания Тургеневской группы и Сектора изучения взаимосвязей русской литературы с зарубежными, состоявшегося в ИРЛИ 6 октября 1959 года. Представляется не лишним воспроизвести его целиком:

ПРОТОКОЛ

заседания сектора изучения взаимосвязей русской литературы с зарубежными и тургеневской группы
6 октября 1959 г.

Порядок дня:

1. Сообщение академика М. П. АЛЕКСЕЕВА «И. С. Тургенев — переводчик русских писателей на иностранные языки (К вопросу о составе Собрания сочинений И. С. Тургенева)».

А. В. ФЕДОРОВ. Считаю, что противоречие между высказываниями Тургенева о невозможности писать на чужом языке и его писательской практикой — мнимое. Противоречие скорее психологическое, а не объективное. Доводы М. П. Алексеева в пользу Тургенева убедительны.

Что касается вопроса об издании этих переводов, то, конечно, надо их издавать, так как это имеет и большое международное значение. Опубликование текстов

² Как отметил академик М. П. Алексеев в одном из докладов о ходе издания на Ученом совете ИРЛИ в 1961 г., случаи, когда «академические издания выпускаются таким большим тиражом», в «академических летописях» довольно редки (*ИРЛИ. Ф. 150, документы Группы по изданию сочинений И. С. Тургенева*).

будет представлять интерес и для широких читательских кругов. Но как быть с рукописями? Где их найти?

М. П. АЛЕКСЕЕВ. Мы принимаем все меры к тому, чтобы получить рукописи. Переводы И. С. Тургенева займут целый том.

Г. ЦИГЕНГАЙСТ. Было бы интересно для издания ознакомиться с материалами герценовской группы в Москве. Может быть, следует ввести особый отдел в каждом томе — важнейшие переводы Тургенева. Нужно конкретное разрешение вопроса в каждом отдельном случае.

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. Противоречия, конечно, нет. Но как быть с изданием? Если включить все это в корпус Собр. соч., то следует назвать — Полное собрание сочинений и переводов. Но если этого не делать, то что делать с тем, что всегда печаталось? Предлагаю переводы, а также переводы романсов, оперетт и т. д. включить в специальное приложение к Полному собр. соч. Таким образом, считаю необходимым включить его переводы в специальное приложение к изданию.

Н. В. ИЗМАЙЛОВ. Доклад показал, что вопрос с изданием переводов очень сложен и решать его трудно. Надо думать над каждой вещью отдельно. Думаю, что нет смысла печатать переводы Гоголя или «Евгения Онегина» Пушкина. Эти переводы мы не должны помещать ни в корпус, ни в специальное приложение. Так же и романсы или оперетты не должны включаться в корпус. Что касается переводов, например, Флобера, то это надо включить в корпус, т.е. как Тургенев сам включил их в свое Собр. соч.

И. З. СЕРМАН. Н. В. Измайлов стоит на самой правильной точке зрения в смысле практическом.

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ. Я бы не говорил, но по этим вопросам негде выступить в печати. Должны быть общие решения. Когда нет общего решения, то открывается простор для вкусовщины. Разговор о том, включать переводы в корпус или не в корпус — пустой разговор. Нет необходимости писать на титульном листе Полн. собр. соч., писем, дневников и т. д. Есть общее название «Полн. собр. соч.», а туда включается все, что написано автором, разумеется в соответствующих разделах.

Если уж не включать, то не надо и писать «Полн. собр. соч.». Что касается текста оперетт, то их тоже надо печатать. Решение может быть только одно — печатать.

Т. П. ДЕН. М. П. Алексеев ничего не сказал о работе Тургенева с Боденштедтом. Я считаю необходимым дополнить его доклад. Боденштедт делал переводы, но значительная часть работы принадлежит Тургеневу, хотя они и помещены все в собрании Боденштедта.

Л. Н. НАЗАРОВА. Хочу сказать о переводе пушкинских драм Тургенева и Виардо. Виардо сам признавал, что переводы сделаны Тургеневым. Да он и не знал русского языка.

Т. П. ГОЛОВАНОВА. Вряд ли кто разрешит посвятить переводам отдельный том. Но вопрос этот встает. Что же делать? Ведь известны переводы Марко Вовчок. Все переводы могут и не поместиться в одном томе. Быть может, сделать особый тургеневский сборник, а в «Собр. соч.» указать на этот сборник.

М. П. АЛЕКСЕЕВ. Вопрос не объясняется, а запутывается. Были у Тургенева разные переводы. Если переводы имели значение в творчестве Тургенева, то почему же

мы должны их исключить. А переводы Гоголя имели для него большое значение.³ Я склоняюсь к тому, чтобы не печатать, но, идя последовательно, следует исключить и Флобера. Как быть?

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. То, что автор сам включал в свое собр., идет под особым знаком. В конце концов предлагает переводы на чужие языки включить в отдельный сборник.

Н. И. СОКОЛОВ (ЛГУ). Выпустить переводы невозможно, но полное изучение творчества Тургенева необходимо в учебных целях. Сотрудничество с Виардо очень важно для изучения тургеневского творчества.

Ю. Д. ЛЕВИН. Возражение Б. М. Эйхенбауму и требование восстановить понятие академического издания. Н. В. Измайлов прав в том, что надо выяснять в каждом отдельном случае степень участия Тургенева в переводах, но необходимо включить переводы в издание.

А. В. ФЕДОРОВ. По поводу заявления Могиланского насчет полноты издания — необходимо полное издание переводов с целью показать высоту и всесторонность лингвистической культуры Тургенева. Это имеет огромное политическое значение в наше время.

Мих<аил> Павл<ович> заявляет, что такого решения — сохранить материал переводов, уже более или менее единодушного, он не ожидал. Предложение: кое-что надо поместить в ж. «Русская литература» с извещением о том, что редакция ждет ответа. Такую статью надо поместить. Быть может, и гоголевский перевод мог бы послужить предметом обсуждения. Запланировать предварительные изыскания и по сектору взаимосвязей. А т<ак> к<ак> этот материал печатать придется в последнем томе, т. е. через семь лет, то время у нас еще есть.

Решили: Предложить ред. «Русская литература» дискуссионную статью, посвященную этим проблемам.

СЕКРЕТАРЬ: <Алексей Ив.> Хватов.⁴

К сожалению, дискуссионная статья, упомянутая в протоколе, в журнале «Русская литература» не появилась. Скорее всего, она, по каким-то причинам, так и не была написана. Остается признать, что до сих пор решение поднятой более полувека назад проблемы так и не было найдено. В этой связи становится и более понятной оговорка М. П. Алексева о том, что за пределами первого академического издания «не должны были остаться даже переводы Тургенева на французский язык некото-

³ Вопрос этот также был затронут в статье М. П. Алексева «Мировое значение Гоголя», впервые опубликованной в 1954 г. См.: Гоголь в школе. Сб. ст. М., 1954. С. 126–154; перепечатано: *Алексеев М. П.* Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 175–206. Здесь же впервые было отмечено огромное значение, которое оказал выпущенный в 1845 г. Тургеневым и Л. Виардо французский перевод из Гоголя, действительно сделавший имя Гоголя широко известным всем европейским литературам (см.: Там же. С. 181–197).

⁴ *ИРЛИ*. Ф. 150, документы Группы по изданию сочинений И. С. Тургенева.

рых произведений русских писателей, — переводы, никогда не воспроизводившиеся в России (например, полный прозаический перевод „Евгения Онегина“ Пушкина, напечатанный в „Revue Nationale“ в 1863 г.).⁵

Наметившееся в последние годы более пристальное внимание к изучению переводческого наследия русских писателей в целом и введение переводов в состав издающихся в настоящее время академических собраний сочинений (например, в собрание Сочинений и писем А. А. Фета в 20 томах, во второе издание Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 30 томах и др. — правда, здесь идет речь только о переводах на русский язык) вновь поднимают вопрос о необходимости включения в академическое издание Тургенева его переводов и о выработке текстологических принципов их подачи.

Нельзя не признать, что в настоящий момент темы «Тургенев-переводчик» и тесно связанная с нею «Тургенев-редактор» относятся, пожалуй, к одним из наименее изученных.⁶ Достаточно сказать, что лишь сравнительно недавно в рамках совместного международного проекта по подготовке электронного собрания переводов Тургенева, инициированного профессором Н. Г. Жекулиным и ставшего возможным, не в последнюю очередь, благодаря развитию цифровых технологий, была впервые составлена наиболее полная библиография всех переводов писателя, включая коллективные, сохранившиеся лишь частично, а также утраченные.

Работа над этим проектом вновь остро поставила вопрос о необходимости «систематически обследовать иностранные переводы Тургенева, им самим допущенные к печати»,⁷ как писал М. П. Алексеев еще в 1948 году. При сличении некоторых авторизованных Тургеневым переводов его произведений на французский и немецкий языки с оригиналами обнаруживаются существенные разночтения, дополняющие их «канонизированные» русские тексты. Сделанные писателем вставки или исправления, как оказалось, имеют прямое отношение к творческой

⁵ Алексеев М. П. Предисловие // *Т Сб.* Вып. 1. С. 3.

⁶ За исключением отдельных работ (М. П. Алексеева, П. Р. Заборова, Р. М. Гороховой и др.), а также обобщающей статьи Н. Г. Жекулина «Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики» (см.: *Тургенев. НИИМ (1)*. С. 48–94), наметившей перспективы дальнейших исследований, данная сторона деятельности Тургенева все еще остается малообследованной, особенно это касается переводов на иностранные языки.

⁷ Цит. по: Алексеев М. П. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. С. 271. Впервые: Труды Отдела новой русской литературы. Л., 1948. Кн. 1.

истории произведений. Так, во французских переводах были выявлены интересные варианты, внесенные Тургеневым, например, в повесть «Затишье» и роман «Дым», не говоря уже о «прибавленном хвосте» к «Первой любви».

Среди немецких авторизованных переводов наибольшего внимания, по объективным причинам, до сих пор удостоился лишь выполненный Леопольдом Кайслером (Kaуßler; 1828–1901) для лейпцигского журнала «Der Salon für Literatur, Kunst und Gesellschaft» перевод «Странной истории» (1869. № 10), на просмотре которого Тургенев настаивал изначально и к редактированию которого возвращался дважды. Сохранившаяся обильная собственноручная правка писателя на корректурных листах этого перевода, а также дополнительный перечень из двенадцати наиболее существенных исправлений и вставок к тексту «Salon», — озаглавленные Тургеневым «Zusätze zur „Wunderlichen Geschichte“» («Дополнения к „Странной истории“») и разосланные немецким друзьям, например Л. Пичу и Л. Фридендеру, — лишь частично привлекались в комментариях к первому и второму академическим изданиям и в полном объеме остались неопубликованными.⁸ Между тем, по справедливому наблюдению Л. М. Лотман, давшей в Полном собрании сочинений великолепный, тонкий анализ тургеневской правки перевода этого произведения, зачастую дополнения и исправления писателя носили творческий характер и в отдельных моментах могут служить «как бы комментарием к русскому тексту».⁹ Здесь Тургенев «проявил себя не только как вдумчивый редактор-переводчик и комментатор, но и как неутомимый автор, готовый постоянно работать над текстом, совершенствуя его и учитывая, какому читателю адресована книга».¹⁰

Особенно показательным в этом отношении участие Тургенева в редактировании немецких переводов, которые вошли в состав двенадцатитомного издания его «Ausgewählte Werke» («Избранных сочинений»), выпущенного в Митаве в 1869–1884 годах книгоиздательской фирмой Бернгарда Эриха Бере (Behre; 1832–1881) и ставшего фактически первым (и единственным) авторизованным собранием сочинений писателя на иностранном языке.¹¹

⁸ См.: ПССиП(1). Соч. Т. 10. С. 472–476; ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 467–470.

⁹ Там же. С. 469.

¹⁰ Там же. С. 468.

¹¹ При жизни Тургенева начало выходить второе издание «Ausgewählte Werke», завершившееся уже после его смерти (1873–1902). Писатель принял участие в подготовке по крайней мере двух томов (т. 1 и 2), состав которых не поменялся и в которые

До недавнего времени работа Тургенева по редактированию митавского издания не становилась предметом специального изучения, что уже не раз отмечалось в исследовательской литературе о писателе.¹² Во многом подобное положение дел (распространяющееся и на историю большинства переводов произведений Тургенева в целом) обусловлено скудостью фактических данных, которыми мы располагаем о взаимоотношениях Тургенева и его митавского издателя, а также недостатком введенных в научный оборот архивных материалов, связанных с деятельностью «E. Behre's Verlag». Значительно расширились наши представления об истории «Ausgewählte Werke» благодаря вышедшей в 1970 году публикации пятидесяти пяти неизвестных ранее писем Тургенева к Бере,¹³ тем не менее многие аспекты нуждаются в дальнейшем прояснении: не установлены имена переводчиков ряда произведений, не исследованы тексты самих переводов, а также степень участия в них Тургенева.

Последняя задача существенно осложняется тем, что выявить весь объем правки, внесенной Тургеновым, не представляется возможным, поскольку первоначальные варианты переводов либо не сохранились, либо остаются неизвестными. Однако в тех случаях, когда Бере во втором издании обращался к уже изданному ранее переводу, который можно рассматривать в качестве «исходного текста», сопоставление немецких текстов дает ценнейший материал о Тургенове редакторе и переводчике. Пожалуй, наиболее ярким примером в данном отношении является немецкая история двух главных романов писателя — «Отцы и дети» и

вошли соответственно: «Отцы и дети» («Väter und Söhne», 1873) и «Несчастливая», «История лейтенанта Ергунова», «Переписка», «Ася» («Eine Unglückliche. Das Abenteuer des Lieutenants Jergunow. Ein Briefwechsel. Assja», 1881).

¹² См., например: Эгле К. К. Малоизвестные материалы об И. С. Тургенове из рижских книгохранилищ // *Т Сб (1818–1883–1958)*. С. 351–358. Сложно не согласиться с утверждением современного исследователя, что «издание Бере имело глубоко принципиальное значение. Раньше выходили на немецком языке лишь отдельные произведения Тургенева, причем в разное время, в различных местах, что препятствовало их распространению по всей Германии, если учесть тогдашнюю обособленность немецких земель. Издание Бере, печатавшееся в Рудольштадте, было первой и очень важной попыткой познакомить всю Германию со всем творчеством писателя» (Перминов Г. Ф. «Отцы и дети»: Статья Л. Пича о романе Тургенева (1869) // *Т Сб*. Вып. 2. С. 159).

¹³ Rimscha H., von. Die bisher unbekanntten Briefe Ivan S. Turgenews an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1970. Bd. 18. H. 4. S. 530–574. См. также: Тиме Г. А. И. С. Тургенов в переписке с Бернгардтом (sic!) Эрихом Бере (По новым материалам второго академического собрания писем И. С. Тургенева) // *РЛ*. 1988. № 3. С. 171–174.

«Дым», над которыми Тургенев работал практически одновременно, готовя их для второго митавского издания.

Судя по сохранившимся письмам Тургенева, в конце 1872 года Бере обратился к нему с предложением переиздать немецкий перевод романа «Отцы и дети», которым в 1869 году открывалось издание «Ausgewählte Werke» и тираж которого к тому времени был распродан.¹⁴ Писатель охотно откликнулся, взяв на себя, по обыкновению и по договоренности с Бере, просмотр корректурных листов. Очевидно, что за четыре года, истекшие со времени подготовки романа для первого митавского издания, перипетии, связанные с редактированием далеко не безупречного перевода некоего «О. Ф.» из штутгартской газеты «*Veobachter*», который лег в основу издания Бере, успели стереться из памяти писателя. Тогда, бегло ознакомившись с немецким текстом романа в «*Veobachter*», Тургенев неосмотрительно рекомендовал его Бере в качестве «превосходного», однако в ходе последующей работы над корректурами его оценка этого перевода сменилась на диаметрально противоположную. Внеся значительную правку в перевод первых двенадцати глав «Отцов и детей», он вынужден был в итоге обратиться за помощью к Людвигу Пичу, согласившемуся отредактировать оставшуюся часть романа.

Несмотря на то, что Тургенев внешне остался доволен полученным результатом и в предисловии к первому изданию даже поручился «за точность предлагаемого перевода»,¹⁵ на деле он вряд ли внимательно просматривал окончательный текст романа целиком и, по всей видимости, не сличал его ни с русским оригиналом, ни с французским переводом, выпущенным издательством Шарпантье,¹⁶ который лег в основу штутгартского перевода и который сам писатель считал образцовым.¹⁷

Дав согласие на переиздание немецкого перевода «Отцов и детей», Тургенев изначально не предполагал, что просмотр корректур отнимет у него много времени, и в письме к Бере от 14 (26) декабря 1872 года мель-

¹⁴ «Отцы и дети» составили первый том этого издания: *Turgénjew Iwan. Ausgewählte Werke*. Mitau: E. Behre's Verlag, 1869. Bd. 1: Väter und Söhne. Далее — *VuS 1869*. Второе издание под тем же заглавием вышло в Митаве в 1873 г. Далее — *VuS 1873*.

¹⁵ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 10. С. 351. Подлинник по-нем.

¹⁶ Речь идет об издании: *Tourguéneff Ivan. Pères et enfants / Précédé d'une lettre à l'éditeur par Prosper Mérimée*. Paris: Charpentier, Libraire-éditeur, 1863. Далее — *Charpentier 1863*.

¹⁷ Подробнее об истории редактирования Тургеньевым немецкого перевода «Отцов и детей» для первого митавского издания см. нашу статью: *Лукина В. А. Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание) // Тургенев. НИИМ(3)*. С. 289–315.

ком отметил, что «надо лишь избавиться от некоторых опечаток».¹⁸ Гораздо большие опасения вызывала у него предстоящая в том же 1873 году работа по подготовке к печати очередного (седьмого) тома первого издания «Ausgewählte Werke», куда должен был войти роман «Дым»¹⁹ в злополучном переводе Фридриха Чиша, послужившем в свое время поводом для серьезного конфликта между Тургеневым и Бере.²⁰ «Исправления в „Дыме“, — с досадой писал Тургенев в том же письме, — более значительны, так как, если Вы помните — перевод оставлял желать много лучшего».²¹

Вместе с тем, получив в скором времени²² от Бере корректурные листы «Отцов и детей» для второго митавского издания и внимательно ознакомившись с немецким текстом, Тургенев снова был вынужден констатировать, что перевод нуждается в дальнейшем серьезном редактировании. «Я получил „Отцов и детей“, — сообщал он 11 (23) февраля Бере, — внимательно прочитал их — и к моему великому удивлению, нашел множество очень значительных, искажающих смысл ошибок! Я все их исправил и послал экземпляр для большей гарантии г-ну д-ру Юлиану Шмидту в Берлин с просьбой — проверить мои исправления и как можно скорее направить книгу в типографию Г. Фрёбеля».²³ Таким образом, принимая помету Бере «9/21.I.73», сохранившуюся на письме Тургенева к нему от 14 (26) декабря 1872 года, за дату отправки корректурных листов в Париж, можно установить, что писателю потребовался почти целый месяц на внесение правки. Тургенев действительно выслал Шмидту корректуру романа в тот же день — 11 (23) февраля, когда писал Бере, сопроводив ее следующей просьбой: «Дело в том, что вы-

¹⁸ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 76. Подлинник по-нем.

¹⁹ Речь идет об издании: *Turgénjew Iwan. Ausgewählte Werke*. Mitau: E. Behre's Verlag, 1873. Bd. 7: Rauch. Zweite Ausgabe. Далее — *Rauch 1873*.

²⁰ См. об этом: ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 546; *Rimscha H., von*. Die bisher unbekanntenen Briefe Ivan S. Turgenews an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau. S. 531–534; *Тиме Г. А. И. С.* Тургенев в переписке с Бернгардом Эрихом Бере. С. 171.

²¹ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 76. Подлинник по-нем. Отметим, что до сих пор участие Тургенева в редактировании немецкого перевода «Дыма» для митавского издания 1873 г., кажется, не становилось предметом специального рассмотрения. Об этом см. далее.

²² Судя по помете Бере на цитированном выше письме Тургенева к нему от 14 (26) декабря 1872 г., ответное письмо было послано им 9 (21) января 1873 г., тогда же, по всей видимости, были отправлены в Париж и корректуры «Отцов и детей» (см. микрофильм в Рукописном отделе ИРЛИ).

²³ ПССуП(2). Письма. Т. 12. С. 104–105. Подлинник по-нем.

ходит второе издание „Отцов и детей“, а я лишь теперь прочел книгу — перевод — в первый раз. Несмотря на то, что я в предисловии с неслыханным энтузиазмом расхвалил перевод, в нем попадаются совершенно недопустимые неточности и сокращения (см., например, стр. 358!., 202 и другие). Я исправил их, но не вполне уверен в том, что правильно выразился по-немецки. Просмотрите книжку! Нет надобности, конечно, читать ее всю; останавливайтесь только на поправках».²⁴

Конечно, не все в этом эмоциональном письме соответствовало действительности: как уже отмечалось выше, достоверно известно о существенной редакторской правке, внесенной Тургеневым в перевод по крайней мере двенадцати глав романа в период подготовки первого митавского издания, что предполагало хотя бы частичное знакомство с текстом. Однако для нас крайне важным является свидетельство Тургенева о том, что на этот раз он не только прочел *весь* перевод, но и самостоятельно внес в него целый ряд исправлений. Ценно также указание писателя на номера двух конкретных страниц, вызвавших его особое негодование.

Сличение первого и второго митавских изданий романа подтверждает, что общий объем внесенной Тургеневым правки был довольно большим, при этом исправлению подверглась не только та часть, просмотр которой в 1869 году писатель «доверил» Л. Пичу, но и главы, просмотренные ранее им самим. Наряду с устранением явных опечаток,²⁵ которых на деле оказалось сравнительно немного, бросается в глаза последовательная работа по исправлению знаков препинания — в частности, восстановлению вопросительных знаков. Например, вопрос Николая Петровича Аркадию в главе III о роде занятий Базарова: «Mit was beschäftigt er sich?»²⁶ (ср. в оригинале: «Он чем занимается?»²⁷) в первом издании завершался точкой; восстановлен также вопросительный знак вместо точки в главе IV в вопросе, адресованном Николаем Петро-

²⁴ Там же. С. 106.

²⁵ Так, в издании 1873 г. исправлена опечатка, допущенная на с. 123 первого издания, где было напечатано «*augreift*» вместо «*angreift*»; нередки случаи исправления формы артикля — например, на с. 17 первого издания «*und indem er diesem Gedanken nachging*» исправлено на: «*und indem er diesen Gedanken nachging*» и т. д.

²⁶ *VuS 1873*. S. 23.

²⁷ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 13. Здесь и далее русский текст романа приводится по данному изданию, поскольку для всех рассмотренных в настоящей статье примеров расхождения окончательного текста с текстом первой публикации романа в «Русском вестнике», а также с текстом отдельного издания 1862 г. не выявлены или не существенны.

вичем Базарову по приезде в Марьино: «Aber würde Eugen Wassiliewitsch nicht vielleicht gerne vorher in sein Zimmer gehen?»²⁸ (ср. в оригинале: «Но не пройдет ли вы сперва в вашу комнату, Евгений Васильич?»²⁹).

В главе V вопросительный знак появляется вместо точки с запятой в эпизоде, когда Николай Петрович переживает целую гамму чувств, ожидая реакции Аркадия на известие о том, что у него появился брат: «Kamen ihm die fremden Beziehungen, die nothwendig zwischen seinem Sohne und ihm eintreten mußten, zum Bewußtsein? dachte er darüber nach, ob es von Arkad nicht rücksichtsvoller gewesen wäre, wenn er jede Anspielung auf das Verhältniß vermieden hätte oder machte er sich Vorwürfe über seine Schwäche? Dies war schwer zu unterscheiden».³⁰ Внесение второго вопросительного знака в данном случае добавляет экспрессивности всему немецкому предложению, при этом примечательно, что в русском оригинале и во французском переводе на этом месте стоит точка с запятой; более того, вся фраза строится вообще без использования вопросительных знаков: «Представилась ли ему в это мгновение неизбежная странность будущих отношений между им и сыном, сознавал ли он, что едва ли не большее бы уважение оказал ему Аркадий, если б он вовсе не касался этого дела, упрекал ли он самого себя в слабости — сказать трудно <...>».³¹ Во многих случаях оказались восстановлены тире, отделяющие речь персонажей от слов автора (ср., например, с. 72 и 62 изданий 1873 и 1869 гг. соответственно), а также опущены лишние восклицательные знаки и введены другие пунктуационные поправки. Можно было бы считать эти исправления техническими и усомниться в принадлежности их Тургеневу, если бы не сохранившиеся корректурные листы немецкого перевода другого произведения — «Странной истории», на которых можно найти примеры аналогичной правки, свидетельствующие о вдумчивом отношении писателя к пунктуации в своих произведениях не только на родном языке, но и в переводах.

²⁸ *VuS 1873*. S. 34.

²⁹ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 18. Ср. соответствующий немецкий текст в первом митавском издании: *VuS 1869*. S. 13, 24.

³⁰ *VuS 1873*. S. 45. Здесь и далее немецкий текст воспроизводится по изданиям 1873 и 1869 гг. в старой орфографии. Полу жирным выделен знак, исправленный Тургеневым.

³¹ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 23. Ср. с французским изданием 1863 г., послужившим источником немецкого перевода: «Avait-il conscience des rapports étranges qui allaient nécessairement s'établir entre son fils et lui; pensait-il qu'Arcade eût agi plus respectueusement à son égard en évitant toute allusion à cette affaire, ou se reprochait-il sa faiblesse; c'est ce qu'il serait difficile de décider» (*Charpentier 1863*. P. 30).

Однако еще более неожиданным является значительное количество исправлений фактического и стилистического характера, которые обнаружены в ходе сопоставления текста первых двенадцати глав перевода, изданного в 1873 году, с митавским изданием 1869 года. Следует оговориться, что подобных исправлений не меньше и в оставшейся части второго издания «Отцов и детей», но наличие их в первых двенадцати главах лишний раз подтверждает, что Тургенев продолжал постоянно работать над текстом, совершенствуя его и учитывая особенности языка, на который переводилось произведение.

Прежде всего, укажем на устранение явных фактических ошибок, которые вкрались в вариант перевода «Veobachter» из-за неточного перевода с французского и не были устранены писателем в издании 1869 года. Так, в главе II Тургенев отмечает эпитет «perfecter» («отличный», «совершенный», «превосходный») в применении к Петру, «который в качестве усовершенствованного слуги не подошел к ручке барина, а только издала поклонился ему»,³² заменяя его в издании 1873 года на «moderner» («современный», «новейший»). Очевидно, что здесь мы имеем дело с примером межъязыковых омонимов, в свою очередь перешедшим в первое митавское издание из «Veobachter», переводчик которого посчитал французское «perfectionné» полным синонимом немецкому прилагательному «perfect»: «Pierre qui, en sa qualité de serviteur **perfectionné** <...>».³³ Еще с одним наглядным примером буквализма (или плохого знания переводчиком «Veobachter» французского языка) читатель встречается в начале главы III, когда, рассказывая Аркадию о переменах, произошедших в Марьино в связи с приготовлениями к его приезду, Николай Петрович замечает в оригинале: «И комната твоя оклеена обоями».³⁴ Если по-французски в издании 1863 года он говорит: «Et j'ai fait mettre du **papier** dans ta chambre»,³⁵ то в немецком варианте 1869 года читаем: «Und **Papier** findest Du auch in Deinem Zimmer» (букв.: «И бумагу ты найдешь в своей комнате»)³⁶ Таким образом, французское «papier» в немецкий перевод перешло в своем основном значении — «бумага», а не «обои». В издании 1873 года после правки Тургенева это место звучит близко к русскому и французскому тексту: «Ich habe auch Dein Zimmer mit neuen **Tapeten** bekleben lassen» (букв.: «Я велел также

³² ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 12.

³³ Charpentier 1863. P. 9. Здесь и далее полужирным выделено мною. — В. Л.

³⁴ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 13.

³⁵ Charpentier 1863. P. 11.

³⁶ VuS 1869. S. 12.

оклеить твою комнату новыми обоями»³⁷ Исправляет Тургенев и неверное написание фамилии В. А. Жуковского,³⁸ которая в первом митавском издании была передана как «Jublovsky», сделав тут же дополнение, в котором не нуждались русские читатели («Dichter Jukofsky» — «поэт Жуковский»³⁹ и т. д.

В отдельных случаях Тургенев дополняет немецкий вариант перевода, стремясь к большей выразительности образов героев. Так, в описании мужа княгини Р., которое дается в начале главы VII, он вводит слово «präsentabler» («представительный», «видный», «статный»), отсутствовавшее в издании 1869 года: «Ihr Gemahl war ein präsentabler Mann von guter Erziehung, aber ein wenig beschränkt <...>» («Ее муж был видным мужчиной, хорошо воспитанным, но немного ограниченным <...>»⁴⁰ Интересно, что немецкий вариант 1869 года в данном случае довольно точно следовал французскому переводу: «Son mari était un homme bien élevé, mais un peu bête <...>» («Ее муж был человеком хорошо воспитанным, но глуповатым <...>»⁴¹ в то время как обновленный текст митавского издания ближе к русскому подлиннику: «У ней был благовоспитанный и приличный, но глуповатый муж <...>»⁴²

Еще один схожий пример, который дает основание с большой долей уверенности предположить, что Тургенев редактировал немецкий перевод для второго издания, сверяясь с рукописью или русским отдельным изданием, находим в главе XI, когда Николай Петрович вспоминает о своей покойной жене: «...ему хотелось вновь осязать близость своей Марии, ощутить ее теплоту и дыхание <...>»⁴³ Если сравнить немецкий вариант 1869 года: «...er hätte wieder an der Seite seiner geliebten Marie

³⁷ *VuS 1873*. S. 22.

³⁸ Ср. у Тургенева в главе XX слова Базарова-старшего: «Я, тот самый я, которого вы изволите видеть теперь перед собою, я у князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал!» (*ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 110).

³⁹ Ср.: *VuS 1869*. S. 211; *VuS 1873*. S. 221. В издании 1873 г. исправлено также грамматически двусмысленное построение предложения: «Ich selber, ich, wie ich da vor Euch stehe, habe **dem** Fürsten Wittgenstein und **dem Dichter** Jukofsky den Puls gefühlt» («Я, тот самый я, который тут стоит перед вами, щупал пульс у князя Витгенштейна и у поэта Жуковского»). Ср. с изданием 1869 г. («Ich selber, ich, wie ich da vor Euch stehe, habe **den** Fürsten Wittgenstein und Jublovsky den Puls gefühlt»), которое допускало следующий перевод: «Я, тот самый я, который тут стоит перед вами, щупал пульс у **князей** Витгенштейна и Жубловского».

⁴⁰ *VuS 1873*. S. 60. Ср.: *VuS 1869*. S. 50.

⁴¹ *Charpentier 1863*. P. 42.

⁴² *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 30.

⁴³ Там же. С. 56.

sein, ihre weiche Wange streicheln, ihren warmen Athmen fühlen mögen <...>» (букв.: «...он хотел бы снова быть рядом со своей возлюбленной Мари, гладить ее нежную щеку, ощущать ее теплое дыхание <...>»),⁴⁴ — с французским переводом: «...il aurait voulu se trouver de nouveau près de sa bonne Marie, sentir la chaleur de sa joue et de son souffle <...>» (букв.: «...он хотел бы снова оказаться рядом со своей милой Мари, ощутить теплоту ее щеки и дыхания <...>»),⁴⁵ то можно заметить, что немецкий переводчик позволил себе небольшую вольность, добавив несколько трогательных деталей. Однако в издании 1873 года не только исчезает эпитет «weich» («мягкий», «нежный»), но и весь пассаж о щеке, а также прилагательное «warm» («теплый»): «...er hätte wieder an der Seite seiner geliebten Marie sein, ihren Athmen fühlen mögen <...>» (букв.: «...он хотел бы снова быть рядом со своей возлюбленной Мари, ощущать ее дыхание <...>»).⁴⁶ Аналогичный пример существенной в смысловом отношении правки, приближающей немецкий вариант к русскому изданию, встречается также в главе VIII, в описании выражения глаз Фенечки, когда она поднимает взгляд на Николая Петровича, а также в других главах.⁴⁷

Два самых вопиющих случая расхождения немецкого перевода с подлинником Тургенев назвал сам в приведенном выше письме к Ю. Шмидту. Первое из них — на с. 358 (по пагинации издания 1869 г.) — выделено Тургеневым двумя восклицательными знаками и относится к последнему свиданию Базарова с Одинцовой в главе XXVII (глава XXV в немецком издании 1869 г.), когда умирающий Базаров просит отца оставить их наедине и обращается к Одинцовой со словами: «Анна Сергеевна, вы позволяете? Кажется теперь... / Он указал головою на свое распростертое бессильное тело».⁴⁸ В немецком варианте 1869 года читаем: «Anna Ser-

⁴⁴ *VuS 1869*. S. 102.

⁴⁵ *Charpentier 1863*. P. 88.

⁴⁶ *VuS 1873*. S. 112.

⁴⁷ «Прелестно, — замечает автор, — было выражение ее глаз, когда она глядела как бы исподлобья да посмеивалась ласково и немножко глупо» (*ПССуП(2)*). Соч. Т. 7. С. 38–39). Ср.: «Der Ausdruck ihrer Augen war **bezaubernd**, wenn sie so von unten herauf mit **naivem** und zärtlichem Lächeln Jemand ansah» («Выражение ее глаз было очаровательно, когда она так исподлобья смотрела на кого-нибудь с наивной и нежной улыбкой». См.: *VuS 1869*. S. 67) и «Der Ausdruck ihrer Augen war **rührend**, wenn sie so von unten herauf mit zärtlichem und **etwas einfältigen** Lächeln Jemand ansah» («Выражение ее глаз было трогательно, когда она так исподлобья смотрела на кого-нибудь с ласковой и глуповатой улыбкой». См.: *VuS 1873*. S. 77).

⁴⁸ *ПССуП(2)*. Соч. Т. 7. С. 182.

gejewna, Sie erlauben es? ich glaube, daß jetzt... / **Sie nickte mit dem Kopfe** als ob sie sagen wollte, daß sie von einem Sterbenden nichts zu fürchten habe» (букв.: «Анна Сергеевна, Вы позволяете? полагаю, что теперь... / **Она кивнула головой**, как будто хотела сказать, что ей нечего опасаться от умирающего»). «Винovníком» этой вопиющей неточности снова стал текст французского издания романа, неверно понятый переводчиком из «Beobachter»: «Anna Serghéïevna, vous le permettez? Je crois que maintenant... / D'un mouvement de tête il semblait lui dire qu'elle n'avait rien à redouter d'un mourant» («Анна Сергеевна, вы позволите? Полагаю, что теперь... / Кивком головы он, казалось, говорил, что ей нечего опасаться умирающего»).⁴⁹ Тургенев внес существенную правку в первую часть предложения, дав точный перевод русского текста: «Anna Sergejewna, Sie erlauben es? ich glaube, daß jetzt... / **Er wies mit dem Kopfe** auf seinen kraftlosen hingestreckten Leib hin, als ob er sagen wollte, daß sie von einem Sterbenden nichts zu fürchten habe» (букв.: «Анна Сергеевна, Вы позволяете? полагаю, что теперь... / **Он указал головой** на свое бессильное распростертое тело, как будто хотел сказать, что ей нечего опасаться от умирающего»).⁵⁰ Как видно, исправив допущенную переводчиком ошибку, писатель все же оставил нетронутой вторую часть предложения, отсутствующую в русском тексте.

Второй из указанных Тургеневым промахов в издании 1869 года относится к началу главы XX, где читатель впервые знакомится с Василием Ивановичем Базаровым. Рисуя портрет отца главного героя, писатель отмечает, в частности, его «взъерошенные волосы» и «тонкий орлиный нос». ⁵¹ Если в подборе немецкого эквивалента слова «взъерошенные» у переводчика не возникло проблем, то «тонкий орлиный нос» превратился в «kleine Stülpnase» («маленький курносый нос»), что не могло не вызвать возмущения автора, исправившего эту досадную ошибку в издании 1873 года, где Василий Иванович предстает перед нами «mit <...> seiner Habichtsnase» (букв.: «со <...> своим ястребиным носом»).⁵² Возможно, источником оплошности переводчика послужил неверно понятый французский текст, в котором нос Василия Ивановича представлен как «mince et recourbé». ⁵³

Совершенствуя перевод, Тургенев уделяет большое внимание стилистической правке, стремясь подобрать немецкий эквивалент, наиболее

⁴⁹ Charpentier 1863. P. 315.

⁵⁰ VuS 1873. S. 370.

⁵¹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 105.

⁵² VuS 1873. S. 212.

⁵³ Charpentier 1863. P. 176.

точно и полно передающий подлинник, устранить лексические повторы, облегчить синтаксически громоздкие конструкции и т. д. Интересно, что первое упоминание имени Аркадия, которое в издании 1869 года звучало как «Arkadius»,⁵⁴ Тургенев сразу заменяет на «Arkad», отказавшись от неудачной попытки немецкого переводчика передать полную форму имени героя.

Рассказывая историю женитьбы Николая Петровича, Тургенев замечает, что он «блаженствовал со своею Машей сперва на даче около Лесного института, потом в городе, <...> наконец — в деревне, где он поселился окончательно <...>».⁵⁵ Если в издании 1869 года о переселении в деревню сказано: «endlich zog er sich ganz auf's Land zurück»,⁵⁶ что можно перевести как «наконец он вернулся/удалился окончательно в деревню», то во втором митавском издании читаем: «endlich **siedelte er sich** ganz auf dem Lande an»,⁵⁷ где немецкий глагол «sich ansiedeln», как кажется, точнее передает значение русского «поселился». В главе III Аркадий, по дороге в коляске с отцом в Марьино, размышляет о бедности края и необходимости преобразований, но постепенно вид пробуждающейся после зимы природы меняет течение его мыслей: «Аркадий глядел, глядел, и, понемногу ослабевая, исчезали его размышления...».⁵⁸ В издании 1869 года это место передано следующим образом: «Arkad bewunderte dies Gemälde und seine trüben Gedanken schwanden allmählig» (букв.: «Аркадий любовался этой картиной и его мрачные мысли постепенно исчезли»),⁵⁹ однако Тургенев заменяет «bewunderte dies Gemälde» на более нейтральное и близкое русскому варианту «sah dies alles» (букв.: «видел это все» или «смотрел на это все»)⁶⁰

Заслуживает внимания также замена отдельных слов, например слова «Мауегг» («стены», обычно в применении к каменным стенам) в конце главы III на «Wände» в описании выкрашенных «серою краской» стен нового дома Кирсановых в Марьино, который, как известно, был деревянным. Или эпитетов «unbeschreiblich» («неописуемый») на «räthselhaft» («загадочный») в характеристике взгляда княгини Р., а также «kaum

⁵⁴ *VuS 1869*. S. 8. Отметим, что, за исключением единичного упоминания в первой главе, данная немецкая форма имени Аркадий в издании 1869 г. больше не встречается, поэтому ее замена на Arkad вполне оправданна.

⁵⁵ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 8.

⁵⁶ *VuS 1869*. S. 8.

⁵⁷ *VuS 1873*. S. 15.

⁵⁸ *ПССУП(2)*. Соч. Т. 7. С. 16.

⁵⁹ *VuS 1869*. S. 20.

⁶⁰ *VuS 1873*. S. 30.

merklich» («едва заметный») на «leicht» («легкий», «незначительный»), когда речь заходит о ее «незначительной усмешке» в главе VII. Замечательно также, что, передавая отношение Прокофьяча, который среди прочего называл Базарова «живодером», Тургенев в немецком тексте заменяет слово «Abdecker» на, вероятно, более экспрессивно окрашенное «Schinder». Не единожды изгоняет из немецкого перевода Тургенев слово «Dummkopf» («дурак», «олух», «болван»). Так, например, в одной из самых острых стычек Базарова с Павлом Петровичем в главе X этим словом немецкий переводчик передал базаровское знаменитое замечание «Дрянь, аристократишко»⁶¹ об одном из соседних помещиков: «Das ist ein Dummkopf, ein schlechter Aristokrat».⁶² Тургенев меняет начало предложения на «Das ist ein bornirter Mensch <...>» (*букв.*: «Это тупой/ограниченный человек <...>»),⁶³ что, в свою очередь, приближает нас к пониманию того, какой смысл Базаров вкладывал в слово «дрянь» в данном контексте.

Заметно также стремление Тургенева избегать повторного употребления одного и того же слова в пределах небольшого пространства текста. Один из наиболее ярких примеров подобной правки находим в главе V, в момент объяснения Аркадия с отцом по поводу Фенечки, где в немецком издании 1869 года на одной странице в двух соседних абзацах трижды было употреблено слово «Stimme» («голос»):⁶⁴ «Arkad hatte die ersten Worte mit zitternder **Stimme** vorgebracht; <...> aber der Laut unserer eigenen **Stimme** berauscht <...>» (*букв.*: «Аркадий произнес первые слова дрожащим голосом; <...> но звук нашего собственного голоса опьяняет <...>») и далее с нового абзаца: «— Ich danke Dir, Arkascha, gab ihm der Vater **mit unterdrückter Stimme** zur Antwort <...>» (*букв.*: «Благодарю тебя, Аркаша, ответил ему отец глухим голосом <...>»). В первом из приведенных предложений Тургенев добавляет наречие «etwas» («немного», «несколько»), заставив Аркадия говорить не просто дрожащим, а «несколько дрожащим голосом» (ср. в оригинале: «Голос Аркадия дрожал сначала <...>»); во втором — исправляет «Stimme» на «Rede» («речь», «высказывание»), приближая его к русскому тексту: «...но звук собственных речей сильно действует на человека <...>», а в третьем — заменяет выделенную нами конструкцию одним словом «dumpf» («глухо»), что также соответствует оригиналу: «— Спасибо,

⁶¹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 47.

⁶² VuS 1869. S. 84.

⁶³ VuS 1873. S. 94.

⁶⁴ VuS 1869. S. 34.

Аркаша, — глухо заговорил Николай Петрович <...>». ⁶⁵ Случаи подобной правки далеко не единичны.

Необходимо отметить, что в издании 1873 года впервые на немецком языке появилось посвящение романа В. Г. Белинскому — «Dem Andenken Belinski's gewidmet» («Посвящается памяти Белинского»), которое отсутствовало в первом митавском издании, а в русском тексте впервые было включено Тургеневым в отдельное издание 1862 года. Кроме того, впервые (по всей видимости, самим Тургеневым) количество и состав глав были приведены в соответствие с русским текстом. До этого все рассматриваемые издания (французское отдельное издание, немецкий перевод в «*Veobachter*», митавское издание 1869 г.) вместо 28 глав насчитывали лишь 26. Сбой произошел из-за слияния, которому в первом французском издании подверглись главы XX и XXI (глава XX в *Charpentier 1863*), а также XXV и XXVI (глава XXIV в *Charpentier 1863*), откуда он перешел сначала в штутгартский перевод, а затем и в первое издание Бере, при этом сам текст романа изменению или сокращению не подвергся. Можно с некоторой долей уверенности предполагать, что данное изменение не являлось преднамеренным, а было, по всей видимости, спровоцировано подготовкой к публикации фрагмента романа, предпринятой Шарпантье и Тургеневым, так сказать, для затравки во французском журнале «*La Revue nationale et étrangère politique, scientifique et littéraire*» накануне выхода отдельного издания — в мае 1863 года. ⁶⁶ Именно в этом журнале впервые на французском языке был

⁶⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 23.

⁶⁶ 1863. Т. 13 (livraison 10 mai). P. 121–148 (подпись: Ivan Tourguénef). Перевод был опубликован под заглавием «*Pères et enfants*» и предварялся следующей заметкой от издателя (по всей видимости, Жерве Шарпантье): «Под этим заглавием г. Иван Тургенев публикует в *Библиотеке Шарпантье* труд, в котором он поставил перед собой задачу изобразить, в форме романа, конфликт духа и характера между уходящим поколением и его детьми, который совершается в России. Этот конфликт, происходящий в то же время по всей Европе из-за стремительного развития цивилизации, но различным образом, в силу различных условий, поражает и во Франции самых недалёковидных. Каковы последствия его в будущем? Это трудно определить точно, но уже сейчас можно сделать предположения, принимая во внимание политический режим того или иного общественного устройства и в особенности условия существования в нем отдельной личности. / В свободных странах, где наблюдается слишком быстрое развитие материальных благ, избыток роскоши и чувственности, умственные заблуждения и страсти находят в человеке твердых и честных убеждений, в порядочной женщине врагов, чье сопротивление пресекает и парализует заразу. В странах деспотических происходит обратное; каждый человек, стесненный в своем развитии, смиряется и отводит взор, теряет из виду благородный

опубликован отрывок из романа, который и составили две главы — XX и XXI, при этом они были напечатаны как цельный фрагмент, без указания номера главы и какого бы то ни было деления.⁶⁷

Оба эти обстоятельства (восстановление посвящения и структуры романа) косвенно свидетельствуют в пользу того, что Тургенев в ходе правки корректур в январе — феврале 1873 года мог обращаться к рукописи или первому русскому отдельному изданию.

Закономерен вопрос: насколько уверенно можно утверждать, что вся выявленная в издании 1873 года правка принадлежит Тургеневу, а не Юлиану Шмидту, который, как известно, добросовестно подошел к просьбе писателя и не ограничился одним просмотром сделанных им поправок, а прочел весь роман и указал на еще два места, перевод которых вызвал у него сомнения.⁶⁸ Этот вопрос тем более актуален, что, на-

идеал, который он смутно предчувствовал, и попадает в зависимость от примитивного удовлетворения животных потребностей, глупого тщеславия, легкомыслия опустошенной и опустившейся души. / Возвращаясь к „Отцам и детям“ г. Тургенева, предлагаем читателям отрывок из этого произведения. Не сомневаемся, что они будут поражены ясностью и верностью наблюдений, которыми отличаются эти живописные зарисовки человеческого сердца» (Ibid. P. 121).

Отметим, что в этом же выпуске журнала была напечатана вторая часть (главы III и IV) прозаического перевода «Евгения Онегина» на французский язык, выполненного Тургеневым и Л. Виардо (Ibid. P. 91–114).

⁶⁷ Можно предположить, что изначально писатель колебался в выборе отрывка для «*La Revue nationale et étrangère*» между главами XX–XXI, с одной стороны, и XXV–XXVI — с другой (в двух последних происходит объяснение Аркадия с Катей, приезд Базарова в Никольское и его напряженное прощание с Одиной перед отъездом к родителям), в итоге остановившись на первом варианте. По всей видимости, журнальная публикация набиралась по той же рукописи, что и отдельное издание, которое вышло практически одновременно с номером журнала. Так, уже 14 мая н. ст. 1863 г. Тургенев через Л. Поме обращается к Жерве Шарпантье за четырьмя экземплярами, предназначавшимися для самого Поме, Ришара, а также немецких друзей — Л. Пича и Р. Линдау (см.: *ПССиП(2), Письма*. Т. 5. С. 175). В библиографии французских переводов произведений Тургенева, составленной П. Уоддингтоном при участии Ф. Монрейно, зафиксирована другая дата — 23 мая н. ст. 1863 г. (см. *Waddington P., Montreynaud Fl. A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854–1885*. Wellington (New Zealand), 1980. Item 28), однако, как отмечают сами составители, сведения о времени выхода книг в этой библиографии являются приблизительными, поскольку базируются на «*Bibliographie de France*», которая регистрировала издания с запозданием (Ibid. P. 1). Таким образом, именно из наборной рукописи сбой в количестве глав мог перейти в печатный текст отдельного издания.

⁶⁸ Подробнее об этом см. в нашей статье: Тургенев — редактор немецкого перевода романа «Отцы и дети» (Митавское издание). С. 312–314.

пример, применительно к первому митавскому изданию романа разграничить правку Тургенева и Пича на настоящем этапе не представляется возможным. Отчасти ответить на этот вопрос помогает письмо Тургенева к Шмидту от 19 февраля (3 марта) 1873 года, из которого следует, что если Шмидт и вносил самостоятельно какие-либо исправления в корректуру, то они были минимальны. «Вы — самый любезный человек, который только существует на свете, — писал в указанном письме Тургенев, — примите мою искреннейшую благодарность. Но вам не следовало стесняться, и раз уж вы взялись за чтение, надо было хорошенько исправлять: это во всяком случае привело бы только к лучшему».⁶⁹

Договорившись со Шмидтом об отправке корректур в Рудольштадт, где печатались «Ausgewählte Werke», Тургенев затребовал у Бере для правки перевод «Дыма», второе издание которого также было запланировано на 1873 год. «Жду обещанного экземпляра „Дыма“, — писал он 11 (23) февраля, — там *появятся еще и совсем другие* ошибки!».⁷⁰ Как это ни странно, но судьба немецкого авторизованного перевода «Дыма» во многом повторяла французскую, и была не менее драматичной.⁷¹

Первый полный⁷² немецкий перевод «Дыма» был выполнен уроженцем Риги, литератором Фридрихом Чишем (Cziesch; 1841–1905) по журнальному тексту, напечатанному в мартовской книжке «Русского вестника», и публиковался на протяжении полутора месяцев в октябре — ноябре н. ст. 1867 года в фельетонах «Rigasche Zeitung», где Чиш подвизался редактором. Несомненно, Тургенев был осведомлен об этом переводе, хотя на данном этапе сложно сказать, узнал ли он о нем от ре-

⁶⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 12. С. 110. Справедливости ради следует отметить, что Шмидт в дальнейшем еще раз держал корректуру романа, однако, судя по письмам Тургенева, его вмешательство на этот раз ограничилось исправлением опечаток (см. письма к Шмидту от 24 апреля (6 мая) и 1 (13) мая 1873 г.: Там же. С. 136, 140).

⁷⁰ Там же. С. 105. Подлинник по-нем.

⁷¹ О перипетиях французского издания «Дыма» см.: Горохова Р. М. «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа // Т Сб. Вып. 5. С. 250–261; ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 544–546; Генералова Н. П. Французская судьба романа «Дым» (Тургенев и Проспер Мериме) // Тургеневский ежегодник 2011–2012 года. Орел, 2013. С. 77–89.

⁷² В довольно подробном изложении роман был представлен немецкому читателю Юлиусом Эккартом еще летом 1867 г. в его статье «Zur russischen Romanliteratur. II. „Rauch“. Eine Erzählung von Iwan Turgenjew» (Baltische Monatsschrift. 1867. Bd. 16. N. 2. S. 109–144). В этой же статье прозвучала высокая оценка Тургенева как самого выдающегося современного русского романиста (Ibid. S. 109). Выдержки из обзора Эккарта были перепечатаны в одном из номеров «Rigasche Zeitung» (1867. 8. (20.) September. № 208. S. 2).

дакции газеты или от кого-то из немецких приятелей, тем не менее писатель, судя по всему, даже заглянул в пару номеров и бегло ознакомился с текстом. По крайней мере, такая картина вырисовывается из его писем к Л. Пичу и М. Гартману за этот период.

«Дым» в переводе Чиша начал печататься 25 сентября (7 октября) 1867 года, а уже 14 (26) октября (т. е. к тому моменту, когда были напечатаны свыше 12 глав — больше трети романа) Тургенев сообщал Пичу, что «„Rigasche Zeitung“ дает полный перевод „Дыма“, и если судить по нескольким прочитанным <...> отрывкам романа в газете, перевод довольно удачен». ⁷³ В середине ноября н. ст. увидел свет номер с заключительными главами романа, о чем сам Тургенев вскоре известил Гартмана: «... в „Rigasche Zeitung“ вышел полный, — в тех частях, которые я прочел, — точный, но сухой и прозаический перевод, законченный 15 ноября». ⁷⁴ Здесь же он упомянул о том, что «несколько дней тому назад» обратился в редакцию этой газеты с просьбой прислать весь перевод, и обещал передать его своему корреспонденту.

Переписка Тургенева с редакцией газеты неизвестна, тем не менее не подлежит сомнению, что Джон Беренс (Baerens; 1834–1884), издававший на тот момент «Rigasche Zeitung», ⁷⁵ откликнулся на его просьбу. Более того, примерно в это же время он передал право на отдельное издание немецкого перевода «Дыма» Эриху Бере, который вскоре (вероятно, в конце ноября — начале декабря н. ст. 1867 г.) обратился к Тургеневу за авторизацией перевода Чиша. Именно тогда, по всей видимости, и завязалась переписка Тургенева с будущим издателем его первого наиболее полного собрания сочинений на немецком языке. Попутно заметим, что это был далеко не единственный случай делового сотрудничества Бере и Беренса: оно не прекратится и с переходом Беренса к заведованию «St. Petersburger Zeitung», где в свое время будет впервые печататься на немецком языке роман «Новь».

Тургенев охотно дал Бере согласие на авторизацию отдельного немецкого издания «Дыма», оговорив, правда, два принципиальных условия. Прежде всего, по аналогии со злополучным французским переводом А. П. Голицына, непростую работу над редактированием которого писатель лишь недавно завершил, Тургенев настаивал на включении в немецкий текст «нескольких добавленных мест» из только что вышед-

⁷³ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 54. Подлинник по-нем.

⁷⁴ Там же. С. 68. Письмо от 18 (30) ноября 1867 г. Подлинник по-нем.

⁷⁵ С 1861 по 1867 гг. соредктором Беренса был Ю. Эккарт.

шего в Москве русского отдельного издания.⁷⁶ Как известно, в нем Тургенев восстановил почти все цензурные изъятия М. Н. Каткова, а также сделал дополнения, явившиеся ответом на резко критические отзывы о романе.⁷⁷ Именно об этих вставках и шла речь в переговорах с Бере (в основном они затронули споры Литвинова и Потугина, но также сцену объяснения между Ириной и Литвиновым в главе XIII). «...Эти места немногочисленны и составят едва 3 или 4 страницы, но они чрезвычайно важны», — подчеркивал Тургенев и далее — что немаловажно — перечислил точные номера четырех страниц, на которые следовало обратить внимание переводчику.⁷⁸ Кроме того, «особенно» выделил Тургенев добавление «на странице 97, где полностью изложена биография генерала Ратмирова»,⁷⁹ сильно урезанная и смягченная Катковым при публикации в «Русском вестнике».

Отметим, что восстановлению биографии Ратмирова Тургенев уделял первостепенное значение. Сохранился черновик его собственноручного перевода этого фрагмента, выполненного для первой французской публикации романа в «Correspondant» и вошедшего в нее практически в неизменном виде (по всей видимости, доверить перевод Голицыну Тургенев не решился).⁸⁰ Не случайно, посылая А. И. Герцену 30 ноября (12 декабря) 1867 года экземпляр салаевского издания, он замечал: «Сама книга тебе, разумеется, не понравится, но на 97-й странице находится биография генерала Ратмирова, которая, быть может, заставит тебя улыбнуться». ⁸¹ Все эти требования были выполнены Чишем — нужные дополнения внесены, однако результат, как будет видно из дальнейшего изложения, оказался катастрофически неудачным.

Получив в свое распоряжение полный немецкий текст романа из «*Rigasche Zeitung*», Тургенев имел возможность с ним детально ознако-

⁷⁶ Первое отдельное издание «Дыма» вышло в свет в Москве (в издательстве Салаевых) в начале ноября 1867 г., хотя на титульном листе указан 1868 г. Далее — *Дым 1867*.

⁷⁷ См. об этом: *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 525–527, а также Предисловие писателя ко второму отдельному изданию романа, вышедшему в 1868 г.: Там же. С. 408.

⁷⁸ *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 76. Письмо от 29 ноября (11 декабря) 1867 г. Подлинник по-нем.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Французский перевод биографии Ратмирова, принадлежащий Тургеневу, воспроизведен (по печатному тексту) в статье Р. М. Гороховой: «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа. С. 254–255. Рукопись см.: *BN. Slave 83. F. 395–396*.

⁸¹ *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 78.

миться — уже из цитировавшегося выше письма к Бере от 29 ноября (11 декабря) явствует, что от него не укрылся неудовлетворительный характер перевода. Об этом можно судить по второму условию, выдвинутому в переговорах с Бере, где писатель потребовал «удалить из перевода несколько ошибок, искажающих смысл, как например: в последней главе, где говорится о „почтительном трепете могучих рук“». ⁸² Приведенная писателем ошибка отсылает к ироничному описанию «ливрейных лакеев» в петербургском салоне Ирины Ратмировой, в частности их «облеченных в шелковые чулки» «громадных» **икр** (а не **рук**), «почтительное трепетание дюжих мышц» которых «только усугубляет общее впечатление благолепия, благонамеренности, благоговения...». ⁸³ «...Мышцы, — пояснял Тургенев, — это никоим образом не руки. „Мускулы“, о которых здесь идет речь, находятся в икрах». ⁸⁴

Неизвестно, принимал ли Тургенев на данном этапе еще какое-либо участие в подготовке немецкого перевода к отдельному изданию. По всей видимости, все же нет. Тем не менее переводчик, на первый взгляд, внимательно отнесся к просьбе писателя и не только поправил указанное место из заключительной главы, но и внес значительное количество исправлений в перевод в целом, о чем не преминул сообщить в предисловии к изданию, датированном мартом 1868 года. ⁸⁵ 24 апреля ст. ст. 1868 года было получено цензурное разрешение на отдельное немецкое издание романа, а еще ранее «*Rigasche Zeitung*» разместила следующий анонс: «Как нам стало известно, в скором времени в типографии Лукаса в Митаве выйдет в элегантном оформлении авторизованный перевод „Дыма“ Тургенева. За основу взят впервые опубликованный в нашем издании немецкий перевод знаменитого русского романа, просмотренный и дополненный по указаниям самого автора и по вышедшему за это время в Москве русскому отдельному изданию». ⁸⁶

⁸² ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 76. Подлинник по-нем.

⁸³ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 407.

⁸⁴ ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 76. Подлинник по-нем.

⁸⁵ *Turgenjew Iwan*. Rauch. Autorisirte Ausgabe. Mitau: Verlag von E. Behre, 1868. S. VII. Далее — *Rauch 1868*.

⁸⁶ «Wie wir vernehmen, wird demnächst in der Lucas'schen Buchhandlung zu Mitau eine vom Verfasser autorisirte Uebersetzung des „Rauch“ von Turgenjew in eleganter Ausstattung erscheinen. Dem Text liegt die von diesem Blatte zuerst veröffentlichte deutsche Uebersetzung des berühmten russischen Romans zu Grunde, welche nach den eigenen Angaben des Verfassers und nach der unterdessen in Moskau erschienenen russischen Separatausgabe revidirt und ergänzt worden ist» (*Rigasche Zeitung*. 1868. 12. (24.) März. № 59. S. 2).

Однако внесенная Чишем правка не сильно поправила дело. В первую очередь из-за плохого владения переводчиком русским языком, что изначально привело к грубым искажениям и значительным сокращениям текста. Приведем лишь несколько курьезных ошибок, которые благополучно перешли из «*Rigasche Zeitung*» в отдельное митавское издание. Достаточно сказать, что «разночинец» в немецком переводе превратился в «крестьянина», в результате чего слова Потугина в главе V: «...нашему брату, разночинцу, из чего вилять?»⁸⁷ переданы Чишем следующим образом: «*Zu welchem Zwecke soll aber unser Bauer so handeln?*» («С какой целью должен наш крестьянин так действовать?»).⁸⁸ В главе VII переводчик вместо «смелого взмаха бровей»⁸⁹ наклеил Ирине «густые брови» («*starke Brauen*»),⁹⁰ при этом безжалостно опустив упоминание о том, ее глаза напоминали «египетских божеств» (отметим, что эта деталь была важна для Тургенева, и «египетские глаза» Ирины фигурируют уже в Формулярном списке действующих лиц новой повести, составленном им в 1863 г.⁹¹). В главе XXIV «тучный генерал», сопровождавший Ирину Ратмирову, превратился в «*der finstere General*» («мрачного» или «пасмурного»). Примеры подобных, по меткому определению Тургенева, «паразитов» («*Ungeziefer*»),⁹² которыми кишит перевод, можно приводить бесконечно. Нередко встречаются также случаи, где Чиш «дописывал» текст по своему разумению. Из наиболее вопиющих укажем, например, на фразу «*aber du lieber Gott! wer läßt sich nicht hinreißen!*» («но Боже мой! кто не позволял себе увлечься!»),⁹³ которой Чиш сопровождает указание на то, что Ратмиров велел «перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении». Не удержался немецкий переводчик и от «нравственной» цензуры, последовательно изгнав со страниц романа, вслед за своим французским собратом, всех «лореток» и заменив их «гризетками». Значительно смягчены были отдельные оценки и выражения, в том числе пресловутая биография Ратмирова.

⁸⁷ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 275.

⁸⁸ Rauch 1868. S. 51.

⁸⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 281.

⁹⁰ Rauch 1868. S. 64.

⁹¹ Тургенев И. С. Подготовительные материалы к роману «Дым» / Публ. и посл. П. Уоддингтона // РЛ. 2000. № 3. С. 101.

⁹² ПССУП(2). Письма. Т. 8. С. 204. Письмо к М. Гартману от 19 (31) мая 1868 г.

⁹³ Rauch 1868. S. 128.

⁹⁴ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 316.

Получив от Бере авторские экземпляры, Тургенев пришел в ярость: перевод показался ему «деревянным» и «жалким». ⁹⁵ В письмах к немецким друзьям он отзывался о нем не иначе, как о «глупой книге» ⁹⁶ и «грандиознейшем, возмутительном по своей тупости свинстве». ⁹⁷ «Целые страницы вычеркнуты переводчиком. Всё, что не является грубо и откровенно банальным, самым старательным образом выброшено!» ⁹⁸ — жалуется он в письме к Гартману и с негодованием заключает в письме к Пичу: «Всё живое безжалостно вырвано — *Saput mortuum* (кладбище — лат.; букв.: мертвая голова) из общих мест». ⁹⁹

Особенно удручающе недостатки отдельного митавского издания «Дыма» стали заметны на фоне другого немецкого перевода, предпринятого параллельно Морицем Гартманом и печатавшегося с 10 апреля по 10 июля н. ст. 1868 года (№ 15–28) в еженедельном приложении к аугсбургской «Allgemeine Zeitung». ¹⁰⁰ Несмотря на то, что Гартман, не владевший, как известно, русским языком, переводил роман с французского текста, оценка его Тургением была очень высокой (как, впрочем, и других выполненных Гартманом переводов его произведений): он неизменно называет его «превосходным» («eine wahre Pracht»), ¹⁰¹ а в письме к самому переводчику признается: «...мне хочется расцеловать Вас, так легко, прекрасен и свободен перевод. Это шедевр! Мое собственное произведение кажется мне в 20 раз лучше». ¹⁰²

Контраст был настолько велик («день и ночь», ¹⁰³ по образному выражению самого Тургенева), что 15 (27) мая 1868 года писатель написал Бере довольно резкое письмо, где с горечью констатировал, что сожалеет об авторизации перевода, поскольку из всего издания его устроил лишь «внешний вид». «Кажется, господин переводчик, — резюмировал он, — поставил перед собой задачу тщательнейшим образом вымарать любой тонкий штрих, любую сочную краску — словом, все, что не является общим местом». ¹⁰⁴

⁹⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 202. Письмо к М. Гартману от 15 (27) мая 1868 г. Подлинник по-нем.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 203. Письмо к Л. Пичу от 15 (27) мая 1868 г. Подлинник по-нем.

⁹⁸ Там же. С. 202.

⁹⁹ Там же. С. 203.

¹⁰⁰ Роман появился под заглавием «Rauch. Roman von Iwan Turgenieff (Mit besonderer Erlaubnis des Verfassers übersetzt)» (см.: Wochenausgabe der Augsburger Allgemeine Zeitung. 1868. 10. April. № 15. S. 236).

¹⁰¹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 202. Подлинник по-нем.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 201. Подлинник по-нем.

¹⁰⁴ Там же. С. 200. Подлинник по-нем.

В качестве показательного примера «среди сотен других» сам он привел отрывок из главы IX (в переводе Гартмана), где Литвинов узнает об отъезде Ирины в Петербург:

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» «Augsburger Allgemeine Zeitung» (1868, перевод М. Гартмана)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Он испытывал ощущение, подобное тому, которое овладевает человеком, когда он смотрит с высокой башни вниз: вся внутренность его замирала и голова кружилась тихо и приторно. Тупое недомыслие и мышья беготня мыслей, неясный ужас и немота ожидания, и любопытство, странное, почти злорадное, в сдавленном горле горечь непролитых слез, на губах усилие пустой усмешки, и мольба, бессмысленная, ни к кому не обращенная... о, как это все было жестоко и унижительно безобразно! ¹⁰⁵	Er hatte ein Gefühl, ähnlich demjenigen, das den Menschen ergreift, der von einem hohen Thurme in die Tiefe sieht; er empfand einen Schwindel, eine stumpfsinnige Verwunderung, ein Ameisengewimmel hässlicher kleiner Einfälle, ein unbestimmtes Grauen, eine stumme Erwartung — auch eine Art Neugierde, eine unheimliche, beinahe böswüligte Neugierde — und in der zusammengeschnürten Kehle die Bitterniss der Thränen, die nicht fließen wollen. Auf den Lippen den Zwang eines einfältigen Lächelns, und alberner feiger Bitten — die sich an Niemand richteten... O wie grausam und demüthigend war dieses Alles! ¹⁰⁶	Er hatte ein Gefühl, wie man es empfindet, wenn man von der Höhe eines hohen Thurmes hinabsieht: es überlief ihn... widerlich und seine Kopfe schwindelte. Stumpfes Verblüffen und wirres Durcheinander der Gedanken, unbestimmtes Bangen und stummes Erwarten, Neugier, eine eigenthümliche, ja schadenfrohe Neugier, die Kehle zusammengeschnürt von bitteren, verhaltenen Thränen, um den Lippen ein erzwungenes, nichtssagendes Lächeln und sinnloses, gegenstandloses Flehen... oh, wie hart und erniedrigend war das Alles! ¹⁰⁷

¹⁰⁵ *Дым* 1867. С. 65–66. Здесь и далее при сопоставлении переводов русский текст приводится по первому отдельному изданию романа, на основе которого немецкий перевод редактировался Чишем для митавского издания.

¹⁰⁶ Цит. по письму Тургенева к Бере: *ПССуП(2). Письма*. Т. 8. С. 200. Цитируя перевод, Тургенев несколько изменяет пунктуацию: так, вместо тире у Гартмана (вслед за французским текстом) везде проставлены запятые. Ср.: *Wochenausgabe der Augsburger Allgemeine Zeitung*. 1868. 1. Mai. № 18. S. 284. Ср. также с французским текстом в переводе Тургенева (за исключением первого предложения), с которого переводил Гартман: «Il éprouvait une sensation semblable à celle qui saisit l'homme regardant en bas d'une haute tour. Il sentait comme un vertige, un étonnement hébété, un fourmillement de vilaines petites pensées, une terreur confuse, une attente muette, de la curiosité étrange, presque maligne, et dans la gorge resserrée l'amertume de larmes qui ne peuvent pas couler. Sur les lèvres un effort de sourire niais et des supplications stupides et lâches qui ne s'adressaient à personne... Oh! que tout cela était cruel et humiliant!» (*Tourguénéff J. Fumée / Augmentée d'une Préface par P. Mérimée*. Paris: J. Hetzel, 1868. P. 90–91. Далее — *Fumée* 1868).

¹⁰⁷ *Rauch* 1873. S. 95.

В переводе Чиша же читаем: «Er hatte ein Gefühl, wie man es empfindet, wenn man von der Höhe eines *Berges* (!) hinabsieht: es überlief ihn eisig kalt und sein Kopf schwindelte» («У него было чувство, которое испытываешь, когда смотришь вниз с высокой *горы* (!); его охватил ледяющий ужас и голова закружилась»).¹⁰⁸

«Весь этот отрывок, стоивший мне многих усилий, который я считал удавшимся, — отмечал Тургенев в том же письме к Бере, — господин переводчик совершенно спокойно выбросил за борт — и в дальнейшем то же самое — *во всех значительных местах* — с последовательностью, которую я назвал бы железной». ¹⁰⁹ О том, насколько значимым для Тургенева был этот фрагмент, говорит уже то, что он не доверил его перевести по-французски и А. П. Голицыну, настояв на включении собственного перевода.¹¹⁰ Справедливости ради отметим, что сам писатель считал эту фразу трудной для перевода.

Не могло не задеть Тургенева и предисловие Чиша, предпосланное переводу, которое последний начал с заявления, что благоприятному приему романа, в том числе за пределами России, во многом способствовало напечатанное заблаговременно почти во всех русских журналах сообщение о том, что роман был оценен редакцией московского ежемесячника в 6000 рублей.¹¹¹ Это заявление Тургенев расценил как «совершенное издевательство». ¹¹² Он даже предпринял попытку выступить с официальным протестом против перевода Чиша через посредство М. Гартмана, которому выслал с этой целью открытое письмо на его имя (текст письма остается неизвестным)¹¹³ для помещения в какой-нибудь из немецких газет. И такая заметка была напечатана в «*Kölnische Zeitung*» 6 июня н. ст. 1868 года (№ 156):¹¹⁴ «Тургенев направил Морицу

¹⁰⁸ Цит. по: *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 200. Выделено Тургеневым. Ср.: *Rauch 1868*. S. 84.

¹⁰⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 201. Подлинник по-нем.

¹¹⁰ Сохранилась рукопись французского перевода этого фрагмента: *BN*. Slave 83. F. 397. Текст перевода см. выше.

¹¹¹ См.: *Cziesch Fr. Vorwort // Rauch 1868*. S. V.

¹¹² *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 201. Подлинник по-нем.

¹¹³ См. письмо к Гартману от 19 (31) мая 1868 г.: Там же. С. 204. В комментариях к данному письму ошибочно указано, что открытое письмо, которое Тургенев послал Гартману, «по-видимому, нигде не было опубликовано» (Там же. С. 365).

¹¹⁴ Гартман откликнулся 28 мая н. ст. 1868 г. из Парижа: *Houghton Library*. Mus 232 (22). Письма Гартмана к Тургеневу в настоящее время готовятся к публикации в одном из следующих выпусков.

Гартману письмо, в котором признал его перевод своего последнего романа „Дым“ превосходным, однако высказал горькое сожаление по поводу перевода, вышедшего в Митаве, который кишит пропусками и искажениями». ¹¹⁵ Бере, как известно, собирался печатно защищать свое издание, о чем уведомил Тургенева, но его заметка опубликована так и не была.

Тем не менее по истечении нескольких лет острота конфликта утихла, и когда осенью 1872 года Бере предложил очередным, седьмым томом «Ausgewählte Werke» переиздать «Дым» в переводе Чиша, Тургенев... согласился. К этому времени уже выработался определенный механизм работы над томами — Тургенев неизменно просматривал и зачастую редактировал перевод того или иного произведения в корректуре, а со временем начал требовать у Бере присылать перевод сначала в рукописи, особенно если ожидалось, что правка будет значительной.

К сожалению, на данном этапе не представляется возможным восстановить в деталях историю работы Тургенева над немецким текстом «Дыма» для второго издания, поскольку переписка с Бере за этот период дошла до нас с большими пробелами. Уверенно можно говорить о том, что Тургенев полностью взял на себя просмотр корректурных листов, которые были присланы ему в конце февраля — начале марта 1873 года, справедливо предполагая, что исправления в «Дыме» будут более «значительными», чем во втором немецком издании «Отцов и детей», о котором говорилось выше. Примечательно, что первоначально Тургенев предполагал в ходе правки воспользоваться столь очаровавшим его переводом Гартмана, который собирался вытребовать из Баден-Бадена, где до сих пор находилась его библиотека. Однако даже беглое знакомство с немецким текстом романа 1873 года убеждает, что намерение это не было осуществлено, причем не был использован и процитированный в свое время Тургеневым в письме к Бере перевод фрагмента из главы IX: этот отрывок был им переведен заново (см. выше). Для иллюстрации объема правки, которой подвергся текст первого митавского издания «Дыма», укажем на исправления, которые были последовательно внесены во все указанные выше огрехи Чиша:

¹¹⁵ Ср.: «Turgenjew hat an Moritz Hartmann einen Brief gerichtet, in welchem er dessen Übersetzung seines neuesten Romans „Rauch“ als ausgezeichnet anerkennt, dagegen sich aufs bitterste über die in Mitau herausgekommene Übersetzung beschwert, die von Auslassungen und Entstellungen wimmelt». Впервые установлено Г. фон Римшей: Die bisher unbekanntenen Briefe Ivan S. Turgenjews an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau. S. 533–534.

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Ну, положим, сановник так поступает из желания популярности, а нашему брату, разночинцу, из чего вилять? (С. 42)	Vielleicht erklärt sich beim Staatsmanne das aus seiner Popularitätssucht. Zu welchem Zwecke soll aber unser Bauer so handeln? (S. 51)	Gesetzt nun der Staatsmann thut das aus Sucht nach Popularität , zu welchem Zwecke sollten aber wir Bürgerkinder so handeln? (S. 59)
Поразительны, истинно поразительны были ее глаза, исчерна-серые, с зеленоватыми отливами, с поволокой, длинные, как у египетских божеств, с лучистыми ресницами и смелым взмахом бровей. (С. 51)	Einen wirklich überwältigenden Eindruck aber machten ihre gründlich schimmernden, tiefgrauen Augen mit langen Wimpern und starken Brauen . (S. 64)	Einen wirklich überwältigenden Eindruck aber machten ihre gründlich schimmernden, tiefgrauen Augen, langgeschlitzt und beschattet, wie an den Bildwerken ägyptischer Gottheiten , mit langen Wimpern und kühnem Schwunge der Brauen . (S. 73)
Ирина верхом обогнала его; рядом с нею ехал тучный генерал. (С. 196)	Irina schoß zu Pferde an ihm vorüber, ihr zur Seite der finstere General. (S. 268)	Irina schoß zu Pferde an ihm vorüber, ihr zur Seite ritt der beleibte General. (S. 286)
Изредка, глухо выступая по мягкому ковру, проходят по лилейным лакеи; громадные их икры, обложенные в тесные шелковые чулки, безмолвно вздрагивают при каждом шаге; почтительное трепетание дюжих мышц только усугубляет общее впечатление благолепия, благонамеренности, благоговения... (С. 220–221)	Bisweilen gehen, vorsichtig den weichen Teppich betretend, Livrée-Diener durch's Zimmer, ihre knolligen , in enge Seidenstrümpfe gepreßten Waden zucken heftig aber lautlos bei jedem Schritt zusammen, so daß dieses ängstliche Beben der angespannten Muskeln nur den Eindruck der Feierlichkeit, des Anstandes und der Andacht steigert . (S. 303)	Von Zeit zu Zeit gehen, vorsichtig auf den weichen Teppich tretend , Livrée-Diener durch's Zimmer; ihre knolligen, in enge Seidenstrümpfe gepreßten Waden zucken lautlos bei jedem Schritt zusammen, und dieses ehrerbietige Beben der drallen Muskeln steigert nur den Eindruck der Feierlichkeit, des Anstandes und der Ehrsucht ... (S. 321)

Сличение двух митавских изданий романа «Дым» показывает, что Тургенев проделал колоссальную работу по выправлению немецкого перевода Чиша, внося в него сотни исправлений — помимо устранения явных фактических ошибок и стилистической шлифовки, были восполнены многочисленные пропуски. Исправления начинаются уже с первых строк, с памятного описания «развала гулянья» русской публики в Бадене, с которого Тургенев снимает некоторый налет сусальности, приданный ему Чишем. Вернулись на страницы романа «насурмлен-

ные, набеленные фигуры парижских лореток»: ¹¹⁶ у Тургенева: «die roth und weiß geschminkten Pariser Loretten» ¹¹⁷ вместо «накрашенных парижских гризеток» («die geschminkten Pariser Grisetten») ¹¹⁸ Чиша; возвратились «выпученные глаза» («weit ausgerissene Augen») и «вспотевшая рука» («schwitzende Hände») помещика из Тамбова, которой он, «ложась грудью на стол» («mit dem ganzen Oberleibe über den Tisch gebeugt»), бесцельно швыряет «золотые кружки луидоров» («Louis-d'or-Röllchen»). ¹¹⁹ Восстанавливает Тургенев и опущенное Чишем указание на то, что князь Коко (прототипом которого послужил Н. И. Трубецкой) являлся «одним из известных предводителей дворянской оппозиции» («einer de bekanntesten Häupter der Adelsopposition»), уничижительную (правда, в некоторых деталях отличающуюся в немецком варианте) характеристику «давным-давно выдохшегося французского экс-литератора, в жидовских башмачонках на мизерных ножках и с презренною бородакой на паскудной мордочке, шута и болтуна», плоские шутки которого из «Шаривари» и «Гентамарры» (название второго альманаха было Чишем также опущено) повторяют «les princes russes» («eines längst schon abgenutzten Exliteraten, Possenreißers und Schwätzers in leichtem Schuhwerk an den jämmerlichen Beinchen und elendem Schnurrbart um das garstige Schnäuzchen»); восстанавливает и прозвище «Царица ос» («die Wespenkönigin»), данное графине Ш., «известной законодательнице мод и гран-жанра» («die bekannte Gesetzgeberin auf dem Gebiete der Moden und des Welttonnes»), которая у Чиша понизилась лишь до «законодательницы мод» и «Медузы в чепце» («Meduse in der Haube»). Углубляет насмешку над безграмотностью «мужей совета и разума» («Männer von Rathschluß und Ueberlegung»), не ведающих подлинного значения «золотой буллы» и английского poor-tax — которые в переводе Чиша названы просто «мужами» («Männer»), и т. д. и т. п. ¹²⁰

Видно, что Тургенев старается приспособить текст для немецкой аудитории, вводя подстрочные примечания, объясняющие специфически русские детали (прием, которым он неизменно пользовался в своих

¹¹⁶ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 249.

¹¹⁷ Rauch 1873. S. 7.

¹¹⁸ Rauch 1868. S. 1.

¹¹⁹ Ср. в переводе Чиша: «...derselbe behäbige, überaus elegant gekleidete Gutsbesitzer aus Tambow streut auch heute wieder mit fieberhafter Lebhaftigkeit, ohne auf das kalte Lächeln der Croupiers zu achten und im Augenblicke des verhängnisvollen „rien ne va plus“ in alle vier Ecken der Roulette Louisd'or-Rollen aus <...>» (Ibid. S. 2).

¹²⁰ Все приведенные в данном абзаце примеры взяты из первой главы романа.

переводах), или внося добавления, которые не требовались русскому читателю. Так, если в русском тексте романа оркестр в Бадене исполняет «„Скажите ей“, российский романс, положенный на инструменты услужливым капельмейстером»,¹²¹ то в переводе Тургенева звучит уже «сочиненный одной русской княгиней романс» («ein, von einer russischen Fürstin componirtes Lied»)¹²² и т. д. Нет нужды говорить, что в составе «Ausgewählte Werke» «Дым» вышел уже без предисловия Чиша, о котором в новом издании не остались ни одного упоминания.

Показательна также правка, которой подверглась биография Ратмирова (только на этих двух страницах насчитывается около 20 исправлений), — она представляет особый интерес еще и потому, что несколько отличается от французского варианта, также принадлежащего Тургеневу.

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
Отец его был естественный... Что вы думаете? Вы не ошибаетесь — но мы не то желали сказать... естественный сын знатного вельможи Александровских времен и хорошенькой актрисы-француженки. Вельможа вывел сына в люди, но состояния ему не оставил — и этот сын (отец нашего героя) тоже не успел обогатиться: он умер в чине полковника, в звании полицмейстера. За год до смерти он женился на красивой молодой вдове, которой пришлось прибегнуть под его покровительство. Сын его и вдовы, Валериан Александрович <sic!>, по про-	Sein Vater was ein natürlicher — ohne Zweifel! aber wir wollten es nicht in dem Sinne gesagt haben, sondern — er war ein natürlicher Sohn eines angesehenen Würdenträgers und einer reizenden Schauspielerin, einer Französin. Der Würdenträger sorgte nun zwar für die Erziehung des Sohnes, aber ein Vermögen hinterließ er ihm nicht, so daß dieser Sohn, der Vater unseres Helden, auch seinerseits in ziemlich dürftigen Verhältnissen starb, und erstarb bald, ein Jahr nach der Geburt eines Sohnes in glücklicher Ehe, eben unseres Valerian Wladimirowitsch. Vermögen hatte der Vater nicht	Sein Vater was ein natürlicher — ohne Zweifel! aber wir wollten es nicht in dem Sinne gesagt haben, sondern — er war ein natürlicher Sohn eines angesehenen Würdenträgers und einer reizenden Schauspielerin, einer Französin. Der Würdenträger sorgte nun zwar für die Erziehung des Sohnes, aber ein Vermögen hinterließ er ihm nicht, so daß dieser Sohn, der Vater unseres Helden, es seinerseits auch nicht weit brachte und im Grade eines Obersten als Polizeihauptmann starb. Vor seinem Tode heirathete er eine junge, hübsche Wittwe, die in die Lage gekommen war, sich seinem

¹²¹ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 249.

¹²² Rauch 1873. S. 8. Имеется в виду романс княгини Елизаветы Васильевны Кочубей (1821–1897) на слова Е. П. Ростопчиной, впервые изданный в Петербурге в 1857 г.

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
<p>текции попал в Пажеский корпус, обратил на себя внимание начальства — не столько успехами в науках, сколько фрунтовой выправкой, хорошими манерами и благонравием (хотя подвергался всему, чему неизбежно подвергались все бывшие воспитанники казенных военных заведений), — и вышел в гвардию. Карьеру он сделал блестящую благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости в танцах, мастерской езде верхом ординарцем на парадах — большей частью на чужих лошадях — и, наконец, какому-то особенному искусству фамильярно-почтительного обращения с высшими, грустно-ласкового, почти сиротливого прислуживанья, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма... Этот либерализм не помешал ему, однако, перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении, куда его послали для усмирения. Наружно-стью он обладал привлекательной и необычайно мягкой: гладкий, румяный, гибкий и липкий, он пользовался удивительными успехами у женщин; знатные старушки просто с ума от него сходили. Осторожный по привычке, молчаливый из расчета, генерал</p>	<p>gehabt, aber Verbindungen, und so kam es, daß der Knabe Aufnahme im Pagencorps fand. Hier lenkte er die Aufmerksamkeit seiner Vorgesetzten weniger durch geistige Hervorragung und Thätigkeit auf sich, als vielmehr durch seine vorzügliche Haltung in der Fronte, durch elegante, feine Manieren und durch sein ihm angeborenes höfliches Wesen. Von hier wurde er zur Garde übergeführt. Er machte glänzende Carrière, denn er war ein liebenswürdiger Gesellschafter, tanzte vorzüglich, imponierte als Reiter eben so sehr auf der Promenade als auf der Parade, namentlich aber verdankte er seine schnelle Beförderung der äußerst schwierigen Geschicklichkeit, seinen Oberen gegenüber einen gewissen familiär-ehrerbietigen Ton anzuschlagen, immer und überall dienstfertig und zuvorkommend gegen sie zu sein, aber so und mit denjenigen kleinen, feinen, unmerklichen Andeutungen, als leide seine edle, eines schöneren Looses würdige Seele unter dieser Abhängigkeit, als verlange sie, kindlich bescheiden, in eine höhere, dem Gegenstande seiner Dienstbeflissenheit nähere Stellung gehoben zu werden. Und das geschah denn auch; man hob und hob ihn. Praktisch ging er ebenso zu Werke, wenn er</p>	<p>Schütze empfehlen zu müssen. Der Sohn aus dieser Ehe, Valerian Alexandrowitsch, fand durch Protektion Aufnahme im Pagencorps. Hier lenkte er die Aufmerksamkeit seiner Vorgesetzten weniger durch geistige Hervorragung auf sich, als vielmehr durch seine vorzügliche Haltung in der Fronte, durch elegante, feine Manieren und durch sein ihm angeborenes höfliches Wesen (wobei er nun freilich alles Das auszustehen hatte, dem in früheren Zeiten die Zöglinge in den Kronsanstalten ausgesetzt waren); — von hier ward er zur Garde übergeführt. Er machte glänzende Carrière, denn er war ein liebenswürdiger Gesellschafter, tanzte vorzüglich, imponierte als Reiter eben so sehr auf der Promenade als auf der Parade, — obgleich er meistens nicht eigene Pferde ritt, — namentlich aber verdankte er seine schnelle Beförderung der Geschicklichkeit, seinen Oberen gegenüber einen gewissen familiär-ehrerbietigen Ton zu behaupten, denselben mit hingebend zärtlicher, ja fast kindlich, waisenhaft bescheidener Dienstfertigkeit entgegenzukommen, wobei jedoch ein leichter Anflug allgemeinen Liberalismus durchschimmerte... Dieser Liberalismus verhinderte</p>

«Дым» Отдельное издание (1867)	«Rauch» Отдельное издание (1868, перевод Ф. Чиша)	«Rauch» «Ausgewählte Werke» (1873, с правкой Тургенева)
<p>Ратмиров, подобно трудолюбивой пчеле, извлекающей сок из самых даже плохих цветков, постоянно обращался в высшем свете — и без нравственности, без всяких сведений, но с репутацией дельца, с чутьем на людей и пониманьем обстоятельств, а главное — с неуклонно-твердым желанием добра самому себе — видел наконец перед собою все пути открытыми. (С. 97–98)</p>	<p>hier und da einen gewissen Liberalismus durchblicken ließ; er bezweckte damit z. B., daß die nachsichtige Regierung ihn beauftragte, die aufständischen Bauern eines kleinrussischen Dorfes zu beruhigen. Er wandte bei der Gelegenheit seinen Liberalismus zwar nicht an, sondern ließ fünfzig Bauern auf das Jammervollste durchpeitschen — aber du lieber Gott! wer läßt sich nicht hinreißen! — Einen nicht unbedeutenden Theil seines Glückes hatte er natürlich den Frauen zu verdanken, die, namentlich waren es die alten, sich um den frischen, rosigen, schmiegsamen und geduldigen jungen General fast rissen. Vorsichtig aus Gewohnheit, schweigsam aus Berechnung, bewegte sich Ratmirow wie ein emsiges Bienchen in der großen, vornehmen Welt und sog den süßen Saft, ohne Wahl, aus häßlichen und hübschen Blumen. Er besaß weder Sittlichkeit noch Kenntnisse, aber er verstand sich auf die Menschen und handelte nach einem Grundsatz, nämlich nur sein eigenes Wohl im Auge zu haben. (S. 127–129)</p>	<p>ihn jedoch nicht, in einem weiß-russischen Dorfe, wohin er, um Ruhe zu stiften, geschickt wurde, eine Anzahl aufständischer Bauern mit Ruthen halbtodt streichen zu lassen. Er besaß ein anziehendes und ungemein jügendliches Aeußere: geschmeidig, rosig, gewandt und zuthulich wie er war, hatte er beim schönen Geschlechte außerordentliche Erfolge. Die alten Damen von Adel waren förmlich in ihn vernarrt. Vorsichtig aus Gewohnheit, schweigsam aus Berechnung, bewegte sich Ratmirow wie ein emsiges Bienchen in der großen, vornehmen Welt und sog den süßen Saft, selbst aus häßlichen Blumen. Er besaß weder Sittlichkeit noch Kenntnisse, hatte jedoch den Ruf eines praktischen Fachmannes, verstand sich auf die Menschen und Verhältnisse, und vor Allem hatte er beharrlich nur sein eigenes Wohl im Auge, daher standen denn auch alle Wege ihm offen. (S. 139–141)</p>

Прежде всего, Тургенев устраняет явные искажения и восстанавливает пропуски. Так, в переводе Чиша полностью исчезли подробности о матери Ратмирова (о ней не сказано ни слова), а единственным верно переданным фактом об отце стало указание на его незаконнорожденность (это предложение практически дословно повторяет русский текст).

Зато в переводе Чиша отец Ратмирова умер «в довольно стесненных/убогих условиях» («in ziemlich dürftigen Verhältnissen») и «умер скоро» («starb bald»), после рождения сына в «счастливом браке» («in glücklicher Ehe»). Напомним, что у Тургенева отец Ратмирова, как и его дед, на самом деле «тоже не успел обогатиться» и «умер в чине полковника, в звании полицмейстера», за год до смерти женившись «на красивой молодой вдове, которой пришлось прибегнуть под его покровительство». Все эти опущенные Чишем подробности были последовательно восстановлены Тургеневым. При этом в немецком переводе Тургенев при описании матери Ратмирова ограничился указанием на то, что она была «молода» и «красива» («junge, hübsche Wittwe»), в то время как во французской редакции о ней сказано: «jeune et riche» («молода и богата»).¹²³ Вместе с тем в описании деда Ратмирова, «знатного вельможи Александровских времен», Тургенев оставляет вариант Чиша, сокращенный до «знатного вельможи» («ein angesehenener Würdenträger»), в то время как во французском он остается «un grand seigneur du temps d'Alexandre Ier».

Не понравилось Тургеневу и то, каким образом в передаче Чиша Ратмиров был зачислен в Пажеский корпус: если в русском тексте он попал туда «по протекции» (во французском «par protection spéciale»), то у Чиша благодаря «связям», оставшимся от отца. Вообще же бросается в глаза, что в немецком варианте Тургенев ужесточает характеристику Ратмирова. Он полностью восстанавливает и даже усиливает завуалированное указание на гомосексуальное прошлое в Пажеском корпусе, опущенное им, например, во французском переводе. Говоря о «блестящей карьере», которой Ратмирову удалось добиться в том числе благодаря «мастерской езде верхом ординарцем на парадах», Тургенев не забывает вставить, что ездил Ратмиров «большой частью на чужих лошадях» («obgleich er meistentheils nicht eigene Pferde ritt») (во французском переводе выражено более определенно: «des chevaux que ses camarades lui prêtaient»), хотя и оставляет вариант Чиша (не вполне совпадающий с русским): «производил впечатление как наездник на прогулках, равно как и на парадах» («imponirte als Reiter eben so sehr auf der Promenade als auf der Parade»).

Устраняет Тургенев и целый досочиненный Чишем пассаж о том, как именно выслуживался Ратмиров перед вышестоящими чинами, чтобы продвигаться по карьерной лестнице, а также выправляет эпизод

¹²³ Французский перевод здесь и далее цитируется по изданию: *Fumée 1868*. P. 139–141.

с усмирением белорусских крестьян. Ранее уже говорилось, что Тургенев снял в нем неуместную сентенцию Чиша, однако он внес и ряд других исправлений, с одной стороны приблизив построение фразы к оригиналу, а с другой — заставив Ратмирова не «перепороть пятьдесят человек крестьян», а «выпороть/высечь розгами до полусмерти **нескольких** взбунтовавшихся/мятежных крестьян» (во французском переводе Ратмиров заporол насмерть пятерых крестьян — «faire laisser à mort cinq paysans»). Примечательно, что из четырех прилагательных, которыми в переводе Чиша характеризуется Ратмиров («гладкий, румяный, гибкий и липкий, он пользовался удивительными успехами у женщин»): «frisch, rosig, schmiegsam und geduldig» («свежий, румяный, гибкий и терпеливый»), Тургенев оставляет без изменений лишь второе, отдав предпочтение более негативно окрашенным немецким эквивалентам: «geschmeidig, rosig, gewandt und zuthulich wie er war».

Анализ немецкой правки, внесенной в биографию Ратмирова, позволяет сделать вывод о том, что, редактируя перевод, Тургенев, по всей видимости, обращался к рукописи или отдельному русскому изданию (поскольку именно из него, очевидно, проскользнула опечатка в отчестве Ратмирова: «Александрович» вместо «Владимирович»). Опечатка стала следствием описки самого Тургенева, которая встречается как в черновом автографе «Дыма», так и в поправках к роману, присланных Тургеневым для отдельного издания, а также присутствует в корректуре, правленной Н. Х. Кетчером).

Внес в немецкий текст Тургенев и несколько поправок, которые в русском издании появились лишь в 1874 году.¹²⁴ Рискнем предположить, что именно работа над шлифовкой немецкого перевода «Дыма» для митавского собрания сочинений могла подтолкнуть Тургенева к внесению нескольких вставок и в новое русское издание. Так, он восстановил в главе X реплику одного из генералов — того самого «тучного» («beleibte») генерала, который у Чиша назван «мрачным» («finster»): «Да ты, я вижу, злобен <...> **тебя бы хорошо в обер-прокуроры произвести**», сказанную в ответ на следующее замечание «раздражительного» генерала: «Петербург со всех четырех концов зажгли, вот вам и прогресс!».¹²⁵

¹²⁴ Речь идет об издании «Дыма» в составе салаевского собрания Сочинений, вышедшего в Москве в 1874 г. (Ч. 6. С. 25–210). Подробнее о внесенных в это издание изменениях см.: *ПССУП(2). Соч.* Т. 7. С. 526–527.

¹²⁵ Там же. С. 303. Добавленная в издании 1874 г. строка выделена полужирным. Ср. у Тургенева: «...Du würdest einen vortrefflichen Staatsanwalt bei der heiligen Synode abgeben <...>» (*Rauch 1873. S. 115*).

Важно отметить, что в немецком переводе Тургенев не только восстановил пропуск в «страшной истории» Элизы Бельской, который был допущен под нажимом Каткова и не вошел даже в первое отдельное издание, но и усилил его, сделав очевидным указание на отцовство императора. Если в русском варианте (в том числе в первоначальном варианте наборной рукописи) читаем: «...мощная рука устранила все препятствия»,¹²⁶ то в немецком после правки Тургенева: «...eine mächtige Hand, die mächtigste im Lande, hatte alle Hindernisse beseitigt...» («...мощная рука, самая мощная в стране, устранила все препятствия...»)¹²⁷

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на неизбежно предварительный характер приведенных наблюдений, изучение работы Тургенева как редактора переводов одних из наиболее значимых его произведений не только открывает малоизвестную сторону его биографии, но имеет прямое отношение к творческой истории романов «Отцы и дети» и «Дым». Дальнейшие исследования в этом направлении, без сомнения, обнаружат новые аспекты деятельности Тургенева-переводчика и редактора. Тщательного обследования заслуживают не только остальные тома митавского издания, в особенности те, где возможно вычленивать правку писателя, но и прижизненные переиздания авторизованных переводов в целом. Известно, что Тургенев неизменно внимательно просматривал корректуры переводов своих произведений на французский и немецкий языки, в том числе при последующих переизданиях, и внесенные им поправки, как правило, были довольно многочисленны — в этом убеждает уже французская история романа «Дым» или обстоятельства появления сборника «Nouvelles moscovites» в 1869 году.¹²⁸ Плодотворным представляется также сопоставление

¹²⁶ ПССуП(1). Соч. Т. 9. С. 439.

¹²⁷ Rauch 1873. S. 242.

¹²⁸ О правке Тургенева, которой подверглись вошедшие в этот сборник переводы его произведений, см.: Горихова Р. М. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // Т Сб. Вып. 1. С. 257–269, а также: Mongault H. Mérimée et la littérature russe // Mérimée P. Œuvres complètes. Etudes de littérature russe / Texte établi et annoté par H. Mongault. Paris, 1931. Т. 1. P. CIX–CXVII. Во второй том этого издания (Paris, 1932) были включены французские переводы «Призраков», «Собаки», «Жида», «Петушкова» и «Странной истории», хотя, как было установлено Р. М. Гориховой, «Жид» и «Петушков» были переведены И. Делава и лишь отредактированы Мериме. А Монго воспроизвел тексты переводов по «Nouvelles moscovites» (т. е. в отредактированном Тургеневым виде), но в примечаниях привел список различий, отметив также некоторые неточности, оставшиеся в переводе после правки Тургенева.

правки, внесенной Тургеневым во французский и немецкий переводы одного и того же произведения (например, «Странная история», «Отцы и дети», «Дым» и др.). Остается лишь согласиться с Н. Г. Жекулиным в том, что без подобных знаний наше представление о Тургеневе-художнике «следует считать неполным».¹²⁹

¹²⁹ Жекулин Н. Г. Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики. С. 92.